

ных сцеплений и символических атрибутов предположение о сказочных истоках повести Пушкина можно признать весьма правдоподобным. Остается последний (и самый ответственный) этап разбора — семантическая интерпретация сюжетного строения «Капитанской дочки».

В то время как в «Повести о Савве» социальные противоречия снимались за счет удаления героя в особую зону, недоступную для мирских отношений, в «Капитанской дочке», подобно классической волшебной сказке, в финале на передний план выступает брачная тема, но при этом, в отличие от архетипа, герой, разрешая брачную задачу, не поднимается на вершину общественной иерархии, а сохраняет тот же статус, который был приписан ему в начальной ситуации. В пушкинском произведении вообще не играют роли ни оппозиция *сакральный/мирской*, существенная в средневековой повести, ни противопоставление низкого общественного положения героя его конечному высокому статусу, важное для сказки.

Ключ к смысловой интерпретации сюжетного строения «Капитанской дочки» — в противополжении двух групп троичных испытаний. Если первое дорожное испытание не влечет за собой никакой серьезной опасности для героя, состязавшегося с Зуриным за бильярдным столом, то второе предварительное испытание связывается автором с реальной возможностью смертельного исхода дважды (буран и суд в Белогорской крепости). Если поединок со Швабриным представлен в повести таким образом, что поражение Гринева выглядит чистой случайностью (мало того, не будь случайного стечения обстоятельств, Петруша обязательно победил бы антагониста, которого он уже загнал в реку), то дублет этого основного испытания — столкновение с вредителем в период Пугачевщины — характеризуется сгущением признаков большой беды. В одном случае Гринева мог одолеть врага без всякой посторонней помощи (она лишь мешает ему), в другом — без чудесного содействия Пугачева ему было не обойтись. Недаром же Петруша обрывает на полуслове начатую было фразу: «Если через три дня я не ворочусь...» (стр. 344) и соглашается «скорее умереть», нежели уступить невесту сопернику. Его путешествие в Белогорскую крепость преподносится Пушкиным как мероприятие почти самоубийственное. Что касается дополнительных испытаний, то они тоже контрастируют: в первом из них герой идентифицируется сразу за обрушившимся на него подозрением в измене, в следующем — идентификация затягивается, а возможность выхода из бедственного положения отмечена Пушкиным как весьма проблематичная.

Первый цикл испытаний герой проходит в дворянском лагере, в той социальной среде, к которой он и принадлежит. Напрашивается заключение, что любые испытания, вплоть до, казалось бы, смертельно опасной дуэли, внутри дворянской социальной общности осознаются Пушкиным в качестве неопасных. По сути дела, в своем мире Гринева даже не нужен посредник, примиряющий противоречия. С другой стороны, тем испытаниям, которым подвергается Петруша, попадая в лагерь восставших, в крестьянский, чужой для него мир, присущи черты подлинного драматизма и серьезности. Крайне показательно, что антагонист героя при переходе от первого ко второму основному испытанию превращается из дворянина в казака, меняет свой социальный статус, и эта трансфигурация тут же коррелирует с усилением опасности, которой грозит герою вредительство Швабрина! Дворянский мир становится угрожающим для Гринева лишь в дополнительных испытаниях, после того как обнаруживается связь героя с восставшими, когда в невинно гонимом видят чужого. В контрасте между двумя дополни-